

Интервью с Владимиром Иосифовичем БАКШТАНОВСКИМ

«ЧТО УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ? ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЗАРОДИТЬ, СОЗДАТЬ И РАЗВИТЬ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ШКОЛУ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ»

Бакштановский В. И. — окончил исторический факультет Томского государственного университета (1965 г.); доктор философских наук (1977 г.); профессор Тюменского государственного нефте-газового университета, директор НИИ прикладной этики ТюмГНГУ (с 1995 г. по настоящее время). Основные области научного интереса: прикладная этика; философская этика; гуманитарная экспертиза.

Интервью состоялось: январь - апрель 2015 г.

Интервью с профессором Тюменского государственного нефтегазового университета Владимиром Иосифовичем Бакштановским началось 19 января 2015 года и завершилось 6 апреля этого же года, но нашей работе предшествовал длительный подготовительный этап. Так, 16 февраля 2012 года я писал Владимиру: «...посмотри сайт <http://www.socioprognoz.ru/history.html>. Это 44 моих интервью с социологами разных поколений... давай поговорим «за твою жизнь»... я — вопросы, ты — ответы.. я знаю твой ответ: “Я — не социолог”». Через несколько дней я получил его ответ: «Извини, что не сразу ответил — взвешивал “за” и “против”. Решил: переложить ответственность на тебя. Надеюсь, ты понимаешь, что социологическая рефлексия — за пределами моей компетенции, но если настаиваешь — рискнем».

Я «взял ответственность на себя» и теперь вправе сказать, что моя настойчивость оказалась ненапрасной. Три года назад, в начале февраля 2012 года, было проведено лишь 44 беседы с советскими / российскими социологами, сейчас — их более ста, и при этом резко возросло значение каждого нового биографического рассказа. Он не просто дополняет уже имеющуюся информацию, но заставляет мысленно «пролистывать» все известные ранее факты и вновь задуматься о справедливости имеющихся выводов.

В рамках предложенной мной типологии поколений российских социологов Бакштановский относится к третьей когорте. К настоящему моменту мною опрошено 24 представителя этой профессионально-возрастной группы, так что созданы предпосылки и для анализа траектории вхождения Бакштановского в социологию, и для сравнения его пути с дорогами, которыми шли в социологическую науку исследователи его поколения. Всех их объединяет то, что никто не готовил себя к социологической деятельности, никто не имеет специального образования. Наибольшее своеобразие движения Бакштановского в социологию заключается в том, что он пришел не на культивировавшееся кем-то поле, а «присоединил» к огромной, разрабатывавшейся многими пашне, свой собственный участок. Он назвал его «прикладной этикой», и – как показали годы – его участок оказался весьма плодородным.

Еще одно позитивное следствие беседы с Владимиром Бакштановским заключается в пополнении коллекции интервью с социологами Тюмени. Первое интервью с социологами этого города состоялось в 2010–2011 году, и оно долго оставалось единственным; тогда моей собеседницей была Юлия Беспалова. Лишь летом 2014 года ситуация резко изменилась, и к концу года были завершены еще три беседы. В начале 2015 года к ним были добавлены четыре новых интервью. Таким образом, в настоящее время развитие тюменской социологии рассмотрено в девяти обстоятельных интервью, более «богато» отражена лишь социологическая жизнь Москвы и Ленинграда / Петербурга.

Отмечу и третий момент, порождаемый содержанием интервью с Владимиром Бакштановским. Сказанное им еще раз подчеркивает актуальность вечной проблемы о границах социологии как науки, показывает важность очерчивания реального поля предмета сегодняшней российской социологии.

Бакштановский В. И.: «Что удалось сделать в области теории? Прежде всего, зародить, создать и развить отечественную школу прикладной этики»

Владимир, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры...

Ты знаешь истории своей фамилии, каково ее происхождение? Насколько вообще ты знаком с прошлым своей родительской семьи?

Историю своей фамилии знаю совершенно недостаточно, особенно за пределами истории своих родителей. По разным сведениям, предки моего отца из Белоруссии, видимо, из бывшей западной Польши. Семейная легенда заключалась в том, что один из предков эмигрировал в Красноярский край, а точнее, попал туда в кандалах: заступился за свою невесту перед помещиком. И после семи лет работ в Троицком сользаводе остался жить в этом крае. Хотя был ли он крепостным, я не могу сказать. Вряд ли евреи были крепостными, мне это неизвестно. Из родственников отца я только заочно, по телефону, общался с дедушкой Борисом. Один из родственников по линии Бакштановских был довольно известный юрист в Риге, а потом переехал в Москву. Контактных с ним прямых особых не было.

В Канске жила семья моей мамы — Златы Григорьевны Цейгер. Здесь они с моим отцом, Бакштановским Иосифом Борисовичем, познакомились, затем переехали в Новосибирск, где в 1932 году у них родилась моя сестра, Ирина Иосифовна. И в 1942 году появился на свет я.

Мне родственники по линии Бакштановских присылали варианты генеалогического древа фамилии, из которого я могу судить, что у Бакштановских была разветвленная семья. Во всяком случае на присланном мне «древе» есть шесть поколений Бакштановских — многие Бакштановские и сегодня живут в Красноярском крае и в Иркутской области.

А вот корней своей матери я до сих пор не обнаружил — у меня нет родословной Цейгеров. Когда я этим заинтересовался, было уже поздно, не у кого узнать, а в доступных источниках информации не нашел. Знаю, что в мои годы у моей мамы была ее мама и два брата и сестра. Все они жили в Новосибирске.

И отец, и мама были служащими. В 1942 году осенью отец ушел на фронт. И хотя я родился в июне 1942 года, конечно я его не помню. У меня есть письмо от отца с фронта, где он пишет и маме, и моей сестре Ире, спрашивает про мое здоровье, беспокоится о нем. Возможно, я был хилый. Других документов из фронтовой переписки у меня нет. Как мне рассказывала мать, отец погиб под Сталинградом, во всяком случае его часы маме переслали с таким адресом. Но недавно я нашел информацию о том, что отец похоронен в братской могиле Святогорского некрополя, у города Славянска. На сайте некрополя написано, что сержант Бакштановский Иосиф Борисович похоронен в братской могиле.

Фактически я вырос в окружении родственников мамы, Цейгеров, в том числе и дяди Ильи и дяди Иосифа. Они каким-то образом влияли на меня, и были моей большой семьей. Когда я чуть подрос, все Цейгеры дружно рекомендовали мне ехать учиться на юриста, и вроде бы я даже уже внутренне созрел, предварительно прочитав несколько томов Нюрнбергского процесса. С интересом прочитал. Но когда дело дошло до реального времени принятия решения, оказалось, что поступление в юридический вуз предполагает наличие рабочего стажа, которого у меня не было. И эти планы нашей большой семьи не реализовались.

Мама и сестра самоотверженно растили и воспитывали меня в скудных материальных условиях. Сестра после окончания школы пошла не в пединститут, а в педучилище, чтобы побыстрее получить возможность работать. И как они радовались, когда удавалось на три летних месяца отправить меня в пионерлагерь — маме как вдове погибшего на фронте давали бесплатные путевки и это было существенной поддержкой.

И так они привыкли жить ради меня, что уже когда я стал профессором, старались дать мне денег — от маминой пенсии и сестриной учительской зарплаты.

Спасибо, Владимир, за твой рассказ... какая долгая и интересная история... Ты как-то проскочил школу... я так понял, что родился ты в Новосибирске (я родился в июне 1941 года в Ленинграде и с осени того года до начала 1945 года был с мамой в эвакуации в Новосибирске... может мы в одном дворе гуляли?). Твои школьные годы прошли в Новосибирске? Как шла учеба? Что интересовало? В какой степени ты был вовлечен в комсомольскую жизнь?

Мои школьные годы прошли в Новосибирске, с четвертого по десятый класс — в школе № 95. Это был центральный район города. Рядом — кондитерская фабрика. Мы часто, идя в школу или из школы, просили через окно у работниц фабрики каких-нибудь конфет. В основном они нам давали карамель, еще не разрезанную на конфеты, а большими комками. Недалеко от школы был центральный парк имени Сталина, где мы гуляли, катались на катке. В школе мои успехи были не всесторонними.

Мне не нравилась математика, и мне помогал мой друг Миша Антипов. Зато я ему помогал по другим дисциплинам. А вот с физикой у меня отношения сложились, может быть потому, что мама купила мне фотоаппарат, и я всех фотографировал, заинтересовался фотоделом. И учитель физики поручил мне провести один урок по оптике. Меня пускали в физическую лабораторию в школе, где я составлял фотохимикаты — тогда готовых было мало в магазинах. И как-то я к этому делу пристрастился.

Более интересны мне были уроки литературы и истории. Учителя были разного уровня. Географию преподавал отставной офицер, со всеми понятными последствиями этой его квалификации. Трудные отношения у меня были с классным руководителем, которая преподавала биологию. Она меня невзлюбила, мои дневники были испещрены красными чернилами, в которых классный руководитель обращалась к моей маме с просьбой воспитывать меня лучше, потому что я вел себя не очень дисциплинированно. А как я мог вести себя дисциплинированно, если несколько лет подряд в классе за моей спиной сидел ученик, имени которого я не запомнил, который все время меня задевал, а я был вынужден давать ему отпор. Но наказание было только для меня.

В школе я был активно вовлечен в комсомольскую жизнь, мне комсомольская работа нравилась, и вообще я эту организацию уважал. И когда был один тяжелый случай в классе — ушел из дома один из моих товарищей, и все переживали, что с ним случилось, не пропал ли он, я пошел в Горком комсомола и добился у секретаря Горкома, чтобы он организовал массовый поиск моего товарища. Я верил в то, что комсомол в этом смысле поможет, всесилен. Но обошлось без этой помощи, он вернулся домой сам через некоторое время.

Мои активные отношения с комсомольскими организациями имели еще одну форму — много лет был вожатым в пионерском лагере. Я каждый год по три летних месяца был в лагере, сначала как октябренок, потом как пионер, а потом и как помощник вожатого и вожатый. Это было для меня очень интересно, никто меня не мог заставить этим заниматься, я был добровольно вовлечен и, я так думаю, имел определенные успехи, раз меня из года в год приглашали на эту работу.

Пионерский лагерь был за городом. По тем временам — это были конец сороковых, пятидесятые, шестидесятые годы — лагерь был не в современном, капитальном духе, а это было бывшее подсобное хозяйство от работы моей матери, просто участок в деревне. Мы жили в бывших амбарах. Вокруг был лес, лес первозданный, и уж обеспечение грибами, ягодой и рыбой брали на себя сами пионеры. Это было и полезно, и вполне интересно. Я с удовольствием водил ребят в походы и какие-то первые навыки походной жизни они получали. Правда, деревенские ребята с нами чаще всего конфликтовали. У них была для нас характеристика: нас называли «лагерными придурками». Правда, за нами «не засохло», и мы отвечали им тем же: они были для нас «деревенские придурки». И так было довольно долго, пока и те, и другие не подросли. А потом уже деревенские ребята стали ухаживать за нашими девочками, а наши — за деревенскими. Девочки тоже подросли и часто отдавали предпочтение деревенским ребятам. Название деревни я не помню, а речка была Иня, по тем временам, сейчас уже трудно себе это представить, она была очень чистая, холодная, потому что проходила через предгорье. Купаться в ней было одно удовольствие.

Когда у тебя появилось более или менее осознанное желание относительно того, чем заниматься, кем быть? Под воздействием каких обстоятельств или людей такие планы возникали и на чем ты остановился?

Возможно, первое представление о том, чем заниматься в будущем, возникло летом между четвертым и пятым классом. Мне купили учебник истории древнего Рима, и я прочитал его за каникулы. Как я сегодня понимаю, это был никакой не выдающийся, а вполне рядовой учебник, но уж очень он мне понравился. И, наверное, это как-то запало при размышлениях о будущей профессии. Хотя как таковых специальных размышлений, рассуждений «о выборе профессии» не было. Или я их успешно забыл.

Я уже говорил выше: родственники хотели, чтобы я стал юристом. И здесь, возможно, сработало то, что в старших классах я прочитал несколько томов о Нюрнбергском процессе. Но, думаю, что это была все-таки не столько ориентация на профессию юриста, сколько продолжение увлечения историей — от того

еще увлечения пятиклассника. Не было целенаправленного процесса поиска профессии, взвешивания «за» и «против», советов с какими-то значимыми людьми. Думаю, что это было скорее стихийное увлечение и стихийное вовлечение.

А на каком из планов я остановился? Юристом я даже при своем желании последовать надеждам моих родственников, не мог стать — из-за того, что на юридический факультет в Свердловске (про который я узнал) нельзя было поступить без двухлетнего стажа работы. Вот я и поехал в Томск на историко-филологический факультет. Не добрал в первый год одного балла, уехал домой, в Новосибирск.

Кстати, меня не остановило в желания стать историком даже то, что я не поступив с первого захода на историко-филологический факультет, пытался в Новосибирске устроиться на работу на только что открывшемся строительстве Академгородка. Эта работа могла дать бонус для поступления в будущий Новосибирский университет. И вот меня по благу — большая проблема была с трудоустройством в те годы — устроили в контору, которая обеспечивала строительство Академгородка. Но единственная должность, которую мне — тоже по благу — предложили, была должность архивариуса в конторе. Когда я появился, в самый первый день конторские дамы надо мной не очень мило посмеялись, спросив: «Ты, парень, хочешь быть архивариусом?». Это меня устыдило. И я отказался. Хотя, казалось бы, история, архивариус... — какие-то могут быть переклички. Но я ушел. И тогда мать, тоже по знакомству, найдя на одном из оборонных заводов сотрудников, работавших еще с моим отцом до войны, и они о нем хорошо отзывались, и в память о нем добыли мне дефицитную ставку ученика токаря в механический цех. И я год проработал — сначала учеником, а потом уже и токарем третьего (самого маленького) разряда. И уже через год поехал поступать на истфак в Томский университет второй раз.

И угрожавшая мне работа архивариусом не отпугнула меня от исторического факультета. В те годы в моих поступках было много спонтанного, неотрефлексированного, многие решения были скорее эмоциональными, и сегодня выстраивать их в строгую цепь продвижения к моей будущей профессии было бы нечестно.

Итак, через год я снова приехал в ТГУ, где мне, кстати, заявили в экзаменационной комиссии, что я зря уехал — мне как сыну погибшего фронтовика полагалась льгота, и я мог в первый же год поступить, даже не добрав один балл. Но, тем не менее поступил, до сих пор не жалею, хотя историком и не стал. Не стал потому что, где-то со второго курса заинтересовался философией, поддавшись обаянию преподавателя философии Федора Андреевича Селиванова. Стал специализироваться у него в виде курсовых работ по этике. И дипломную работу — тоже по этике.

Полагаю, что наряду с личностным обаянием лектора по диалектическому материализму меня увлекла и сама проблематизация этого курса, и возможность освоить диалектическую логику, и тяга к пониманию законов жизни: на все на это диалектический материализм, а потом, на следующем курсе, и исторический материализм претендовали. И это сильно затягивало.

А ведь увлечение философией — это еще и работа в научной библиотеке Томского университета, это возможность читать книги, не очень доступные в общем обиходе, в том числе книги в спецхране, существовавшем тогда при

научной библиотеке, доступ к которому можно было получить только по рекомендации руководителя со ссылкой, что это необходимо для написания курсовой и дипломной работы.

Ну и, наверное, появившийся особый интерес к такой отрасли философии, как этика. А я прочитал тогда не только вполне оригинальный первый учебник в нашей стране — той советской стране — по этике, который написал Ф. А. Селиванов. Это был не казенный учебник, он и назывался «Очерки по этике». Очерки были написаны таким стилем, а автор так проблематизировал этическую проблематику, что не попытаться самому разобраться в ней было просто нельзя. А чтобы разобраться ... тебя всегда ждала университетская библиотека.

Закончив в 1965 году истфак Томского университета с дипломом «преподаватель истории и обществоведения», фактически стал преподавателем философии, ибо распределился на кафедру философии Томского политехнического института. Вот я и остановился на философии. И живу в ней до сих пор.

Так это же прекрасное сочетание: история и философия. На философию истории или на историю философии не тянуло? Сколько времени продолжался томский период твоей жизни? Какие курсы тебе поручили читать? Поступали ли в аспирантуру?

Не могу сказать, что меня тянуло к философии истории или истории философии. Все-таки тянуло к философии, а точнее — к этике. Хотя в томский период моей жизни — это три года работы на кафедре философии Политехнического института — собственно курс этики я не читал.

Придя на кафедру философии Томского политехнического института, я сразу получил лекционные курсы. И читал лекции по диалектическому и историческому материализму. Мне это делать было не очень трудно, потому что другой профессор, который помогал мне и на этапе кандидатской диссертации, а потом и стал консультантом моей докторской, Валерий Николаевич Сагатовский, только что написал свой учебник «Философия как теория всеобщего», дал мне его в рукописи и разрешил использовать в моих лекциях. Учебник был прекрасно написан, он выходил далеко за рамки казенных по тем временам представлений о философии. И я чувствовал себя «на коне», и студенты слушали с удовольствием. Мне удалось даже получить первое место в рейтинге студентов при конкуренции с известными лекторами. И это меня вдохновляло. Со студентами по тем временам мне было работать очень интересно. Я был на три, в крайнем случае, на пять лет, старше их, — было и эмоциональное взаимопонимание и, может быть, мироощущение более или менее близкое. А когда я показал студентам, что ориентируюсь в научной фантастике, да рассказал, что лично знаком с братьями Стругацкими, то взаимопонимание со студентами было гарантировано.

В 1970 году ты в МГУ защитил кандидатскую диссертацию по теме «Критика метафизичности в разрешении проблемы цели и средств в этике». Понимаю, давно это было, но, пожалуйста, обозначь основные выводы работы.

Мой интерес к этике проявился в выборе темы диссертации. Писал диссертацию без поступления в аспирантуру. Научный руководитель — Ф. А. Селиванов. Тема диссертации — «Критика метафизичности в разрешении проблемы цели

и средств в этике». Защитил я ее в 70-ом году, хотя написана она была раньше. Переезжая из Томска в Тюменский индустриальный институт, я считал, что уже завершил диссертацию, и вопрос только в том, где ее защитить. Но случился неожиданный для меня инцидент: по совету Селиванова я обратился с просьбой о защите в совет при Уральском государственному университете. Там заведовал кафедрой профессор Архангельский Леонид Михайлович, и мне мой руководитель обещал, что никаких проблем с приемом диссертации к защите не будет. Я и поехал настроенный очень уверенно в себе. Считал, что уже вот-вот можно будет готовить защиту. Обломился. Неожиданно для меня — Архангельский по телефону говорил, что решение у кафедры положительное. Мне выкатили две претензии. Первая, почему в Вашей диссертации очень много материалов, взятых из научно-фантастической литературы, а братья Стругацкие доминируют? У Вас, что, в нашей родной советской действительности не хватает ситуаций выбора, которые надо было бы проанализировать и найти их решение? Почему научная фантастика, а не реалии? Вторая: почему у Вас целый параграф посвящен конфликту совести и разума в этике экзистенциализма? Что, обязательно было нужно изучать позицию экзистенциалистской этики? У нас, что, не хватает подходов в советской этике?

Надо сказать, что я растерялся от таких вопросов. Может быть, потому что был самоуверен. Может быть, потому что мне говорили: обсуждение пройдет без проблем. И я не нашелся, что сказать в ответ на обе претензии. А когда мне предложили диссертацию доработать, я промолчал, но, вернувшись в Тюмень, сказал, что ноги моей на этой кафедре больше не будет. Созвонился с московскими коллегами с кафедры этики МГУ. Получил предложение приехать на обсуждение к ним. Я отправил диссертацию и она была обсуждена на кафедре. Но опять мне задали вопрос: что это за тема параграфа «Конфликт совести и разума в этике экзистенциализма»? Вы без нее не в состоянии свою тему обсуждать?» Это заявил доцент в звании полковника, я и сейчас помню его фамилию — Казаринов. Он говорил очень зло, никто с ним особенно полемизировать не стал, чтобы меня защитить. И мне было предложено диссертацию доработать.

После этого в кабинете заведующего кафедрой профессора Анисимова Сергея Федоровича произошел очень конструктивный разговор, который я потом повторял уже своим аспирантам. Сергей Федорович сказал мне: «Владимир Иосифович, у Вас опубликован каждый параграф Вашей диссертации. Ну что Вы дорожите текстом, кто его будет читать кроме двух оппонентов и ведущей организации?! Вы просто уберите этот параграф, к которому такие претензии, как будто его и не было. На Ленинском проспекте Вы найдете магазин с канцелярскими товарами, там продают большие ножницы, пойдите. купите. (Это же было еще время докомпьютерное). То есть, сэкономьте на перепечатке, просто вырезайте этот текст». Ножницы я храню до сих пор, показываю его тем, с кем я выступаю в роли руководителя диссертаций. Я вырезал этот параграф и диссертация была принята к защите. Это было очень престижно — защититься на философском факультете Московского университета. Я уехал домой и стал больше думать о том, как банкет устроить, чем о том, какие еще могут быть трудности. Пришел вызов от декана: защита назначена на такое-то число. Купил билеты на самолет, сложил чемодан.

Но вечером перед вылетом получаю от декана телеграмму: «Ваша защита откладывается». Что случилось? Звоню, спрашиваю у своих знакомых с кафедры. Мне говорят: в теоретическом журнале ЦК КПСС «Коммунист» вышла рецензия на так называемый «Тбилисский сборник», в котором и я участвовал. Авторы рецензии, по тем временам известные наши этики, посчитали, что эта книга идеологически неверная. И хотя собственно мою статью не ругали, но декан философского факультета МГУ решил, что раз фамилия соискателя попала в такое крамольное издание, это основание для того, чтобы перенести защиту. Что делать? Заведующий кафедрой этики С.Ф.Анисимов советует мне: нужно принести еще один отзыв — от солидного ведущего учреждения; обратитесь в Институт философии Академии наук СССР, если они дадут положительный отзыв, мы снова выставим Вас на защиту.

Направился я к директору Института философии Павлу Васильевичу Копнину, рассказал ему, что произошло. Он выслушал вполне благожелательно, сочувственно и пригласил к себе в кабинет двух философов. Один из них — Олег Григорьевич Дробницкий, рано ушедший из жизни советский этик. Дробницкий знал меня, лучше сказать, что я его знал, но и он меня помнил, наши пути пересекались. А второй был сотрудник сектора диалектического материализма Николай Николаевич Трубников, который исследовал тему целей и средств уже не в этике, а шире — в философии. То есть был специалист непосредственно по моей теме. А у Дробницкого в недавно вышедшем тогда учебнике была большая глава о критике этики экзистенциализма. То есть, директор института заказал рецензию двум отделам и двум ведущим специалистам по тематике моей диссертации. Через какое-то время я получил позитивный отзыв, отдал его в совет МГУ философского факультета, защита состоялась. Она прошла успешно и я вернулся в Тюмень. Вроде как победителем, но надо учесть, что с момента, когда я считал, что должен был уже защититься, прошло лишних два года.

Теперь по поводу основных выводов моей диссертации. Речь шла о моей любимой на многие годы теме морального выбора личности в ситуациях нравственного конфликта, когда моральный субъект обнаруживает, что в его сознании сталкиваются нормы, противоречащие друг другу, когда выполнение одной нравственной нормы приводит к нарушению другой, то же нравственной нормы. Это не был конфликт добра со злом. Это был конфликт норм внутри одной моральной системы. В качестве примеров наиболее напряженной ситуации морального выбора я рассматривал проблему соотношения нравственной цели и средств. А критике я старался подвергнуть метафизические, односторонние решения проблемы цели и средств. И в качестве таких односторонних решений я рассматривал, с одной стороны, теории ненасилия Толстого и Ганди, а с другой стороны, известный принцип «цель оправдывает любые средства», который принято связывать, прежде всего с иезуитизмом. Основной вывод моего исследования звучал примерно так: нравственен и эффективен выбор таких средств, которые способствуют достижению цели, но при этом не изменяют ее нравственного характера.

Какие мотивы подтолкнули тебя перебраться из известного академического центра Томска лишь в стававший на ноги Тюменский индустриальный институт? Какие курсы ты там начал читать?

Мотивы моего переезда из университетского города Томска в неуниверситетский город Тюмень были двух типов. И я не могу сейчас сказать, какой из них был сильнее. Один мотив – вновь образованный Индустриальный институт при поддержке областных властей давал приглашенным преподавателям квартиры. В старом Томске об этом и мечты-то не было. Получить сразу при переезде современную по тем временам двухкомнатную квартиру – был для моей семьи соблазн очень сильный. Второй мотив был скорее творческий: в Тюмень переехал мой руководитель по кандидатской диссертации Ф. А. Селиванов и продолжить сотрудничество с ним, а он получил в Тюменском индустриальном институте кафедру философии, было не менее важно, чем получить квартиру. Случилось очень удачное сочетание двух мотивов. И я колебался не очень долго, хотя оставлял в Томске друзей, научную библиотеку университета, университетские традиции.

Приехав в Индустриальный институт на кафедру философии, я получил для чтения стандартные курсы – диалектический и исторический материализм. Разумеется, это были не только семинары, но и лекции, тем более, что мне дали ставку старшего преподавателя, но я уже освоился с лекционной деятельностью в Политехническом институте в Томске, и это не было для меня особым затруднением.

Конечно, можно задать вопрос: выиграл я или проиграл, получив вместо томских студентов – студентов тюменских? В Томске у меня были привилегированные факультеты: радио-физический и химический. Очень сильные студенты, поступившие по большому конкурсу, и надо было равняться на их потенциал, соответствовать ему. В Тюмени Индустриальный институт открылся за три года до моего приезда, особых традиций, конечно, не могло быть. Но, в общем-то, уже на первом этапе своей жизни Индустриальный институт имел определенную привлекательность, в городе был голод по инженерному образованию. И, соответственно, конкурс студентов был вполне эффективный, чтобы отобрать вполне достойный контингент студентов. И мне было непросто удовлетворить их интересы – ребята были современные, мотивированные на образование. У них был пафос жителей центра освоения Тюменского Севера. И все это надо было учитывать.

По-видимому, условия работы в Тюмени позволили тебе сосредоточенно заниматься наукой, если всего через пять лет после защиты кандидатской диссертации ты в 35 лет защитил докторскую?

Конечно, условия работы в Тюмени и мотивировали меня, и позволили сосредоточиться на научной работе. Я и ехал в Тюмень в статусе почти написавшего кандидатскую диссертацию, как я сказал выше. И мне предстояло ее оформить. Первые три года в Тюмени я был сосредоточен на кандидатской диссертации, а затем очень интенсивно занялся докторской. И я защитил ее относительно быстро – в 35 лет. По тем временам я был самый молодой доктор философских наук в СССР.

Условия были благоприятные, кроме сильного внутреннего стремления, развитой достижительной ориентации, я имел возможность участвовать практически в любых конференциях. Уже сложившиеся контакты с этическим сообще-

ством давали возможность публиковаться не только в тюменских сборниках, но и в приличных изданиях, например, в «Вопросах философии», «Философских науках», в популярных изданиях типа «Молодого коммуниста».

Немаловажным был фактор поддержки ректората — как только я заявил, что перехожу в докторантуру, ректор выделил моей семье трехкомнатную квартиру — что было и очень полезно, и очень ответственно. Предполагалось, что я оправдаю доверие.

Наверное, еще одним важным фактором было сотрудничество с трудовыми коллективами и партийными организациями города Тюмени и Тюменской области.

Уже тогда я мог инициировать этико-прикладные исследования, подразумевающие работу с заводами, работающими на топливно-энергетический комплекс Тюменской области. Это было важно и для того, чтобы проявить себя как публичного деятеля, и для того, чтобы испытать свои идеи на практике. Практике этического воспитания и нравственного просвещения.

Полагаю важным фактором и работы над докторской диссертацией, и успешной защиты ее явилось то, что под меня в Индустриальном институте была открыта кафедра этики. Она была открыта в 1975-м году. Кафедре выделили несколько ставок. Я пригласил молодых преподавателей. И тогда уже от эпизодических курсов по этике я смог поставить этическое образование в Индустриальном институте на более или менее системную основу. Вся кафедра читала курсы этики, эстетики и научного атеизма — такой был разброс по тем временам. Практически все сотрудники кафедры стали моими аспирантами и начали писать кандидатские диссертации еще до моей докторской защиты. Таким образом, защитившись я уже имел несколько своих аспирантов, готовых к защите кандидатской диссертации.

Создание кафедры, а это была единственная в СССР кафедра этики в техническом вузе, конечно дало мне и творческий тонус, и определенный вес в сообществе, и поддержку властей, которая была нелишней, ибо кафедра сразу получила возможность заявить себя в агитационно-пропагандистской работе в области, и в эмпирических исследованиях на территории Тюменского топливно-энергетического комплекса. Создав кафедру, мы получили возможность проводить ежегодные конференции в Тюмени — мы чередовались с кафедрой философии Владимирского политехнического института, которой руководил мой старший товарищ, а потом и соавтор многолетний — Юрий Ваганович Согомонов. Один год конференцию проводилась во Владимире, другой год в Тюмени. Это были всесоюзные конференции, мы имели всесоюзное участие, включая и иностранное участие, например, одна из конференций было советско-болгарской. Авторитет Тюмени для болгарских исследователей был высок уже хотя бы потому, что в Тюменской области работала большая группа болгарских строителей. И она пользовалась особым вниманием властей в Болгарии. Мы публиковались в Болгарии, и они к нам с удовольствием приезжали на конференции. Статус кафедры был высок и это существенно сказалось на успешности моей защиты, хотя она была не безоблачной...

Какие оказались проблемы, подводные камни?

Наверное, как и в большинстве случаев диссертационных защит, проблемы и подводные камни были двух типов. Первый тип — собственно научные проблемы. Поскольку концепция морального выбора личности, которую я развивал в этой диссертации, была сконцентрирована вокруг возможности — необходимости создавать и применять критерии эффективности морального выбора личности, я входил в рискованную зону включения в сферу морали, казалось бы, чуждых ей категорий — «целесообразности», «эффективности», «рациональности». Во всяком случае в сложившейся в те годы советской этике концепции природы морали это была проблематизация, не разделяемая многими коллегами. Моя задача заключалась в том, чтобы ответить на их скепсис, а то и прямые критические возражения, высказываемые и в литературе, и на конференциях, и ответить так, чтобы принять и включить в свою концепцию все разумные критические замечания, но не утратить специфики, инновационности своей позиции. Это было, кстати, и творчески интересно — не просто вынужденная необходимость. Это была нормальная творческая задача, степень успешности в ее решении должны были оценить оппоненты и ученый совет.

Вторая трудность была связана опять с тем, что инициированное мною направление прикладной этики имело оппонентов не только в рамках собственно науки, но и в сфере управления наукой. И как и в первой диссертации, я столкнулся с сопротивлением власти предрешающих в науке, которые не хотели давать мне ходу в этике. Полагаю, что и в связи с моей национальностью, и в связи с тем, что я нарушал сложившиеся традиции в этическом знании, да и просто был слишком молод по сравнению с наиболее распространенным возрастом в наших этических кругах. Поэтому мне пришлось обратиться за помощью к моим благодетелям среди ведущих этиков и мне рекомендовали обратиться с заявлением о защите диссертации не в Московский университет, а в Новосибирск — Институт философии Сибирского отделения Академии наук СССР, где как раз к моменту моей защиты был организован докторский совет по диалектическому и историческому материализму. Естественно, мне пришлось чуточку обновить название и содержание моей диссертации — она пошла уже не по специальности «этика», а по специальности «исторический материализм». Должен сказать, что пришлось позаботиться и о «правильных» фамилиях оппонентов — чтобы среди них не доминировала определенная нация, как это сначала получилось. В итоге процесс защиты прошел без особого напряжения. И голосование, если я не ошибаюсь, было единодушным.

Подводные камни такого типа были данью времени, их надо было просто принять и преодолеть. Это получилось. И я помню, как сразу после защиты я полетел в Москву, где проходила очередная Всесоюзная школа (напоминаю, что это было советское время — 1997 г.) молодых этиков в Звенигороде. Я приехал на нее как триумфатор. И одним из первых меня поздравил как раз мой недоброжелатель, который руководил этической наукой от имени отдела науки ЦК КПСС. Он пожал мне руку, но на его лице не было никакой искренности, он просто должен был это сделать публично. А когда он отошел, то стоящий рядом со мной профессор Титаренко Александр Иванович, который много сделал для организации моей защиты, сказал мне (может быть, он прочитал на моем лице некоторое напряжение при разговоре с этим товарищем): «Володя, теперь

ты можешь быть спокоен за свою судьбу в науке. Никто тебе горло не перегрызет. В крайнем случае, за пятки будут кусать. Твоя докторская будет работать на твою безопасность в этой сфере». И, как мне кажется, его прогноз оправдался.

Надо сказать, что в содержательном плане серьезную поддержку в развитии моей концепции морального выбора сыграл профессор Сагатовский Валерий Николаевич, который на автореферате указан как научный консультант. Его поддержка была серьезная, спокойная, фундаментальная. Он помог мне смягчить остроту моей позиции, придать ей большую строгость и, тем самым, может быть, большую лояльность в отношении традиционной этической позиции: задача заключалась в том чтобы доказать, что введение в проблематику морального выбора критерия целесообразности в выборе средств — это этическая проблема, а не чуждая этике позиция, которая пришла из некой праксиологии. Я пытался доказать и, как мне представляется, Сагатовский меня поддержал, что это внутриэтическая проблема. Другое дело, как, акцентируя ее значимость, не уйти от проблемы природы морали, не утратить понимание природы морали, не игнорировать давнюю традицию этической мысли различать категорический и условный императив, как это делал, например, И. Кант.

В то же время мы уже начали тесно сотрудничать с Юрием Вагановичем Согомоновым. Например, он был внутренним редактором моей главы в уже упоминавшемся выше учебнике «Марксистская этика», где мне А. И. Титаренко поручил главу «Моральный выбор». И, как я говорил, публикация этой главы в учебнике «Марксистская этика», который вышел в «Политиздате», то есть в издательстве ЦК КПСС, придала мне в моем стремлении завоевать место в этическом сообществе еще и определенный официальный статус. Издаваемый несколько раз этот учебник стал официальным учебником как для системы высшего образования, так и в системе партийного просвещения. Это придало легитимности и мне лично, и моей концепции. А Юрий Ваганович Согомонов, с которым мы тогда еще не написали ни одной книжки, тем не менее, понимая мою позицию, окультурировал ее, пытался найти при редактировании такие слова, которые бы смягчали свойственную моему подходу категоричность — наверное, инновационную позицию трудно было сделать нейтрально-полемичной.

Володя, когда ты работал над докторской диссертацией, ты обращался к теоретическим положениям социологии, использовал результаты прикладных исследований? Или истматовская «крыша» даже этого не позволяла? Когда ты обратился к социологическим теориям и эмпирическим методам социологии?

Теоретические положения социологии, тем более, результаты прикладных исследований оставались за рамками моей докторской диссертации и не потому что «истматовская крыша» этого не позволяла, просто мое исследование было скорее в рамках традиционной отечественной этической теории, которая была скорее философией морали, чем социологией морали.

Первые подходы к социологическим теориям заинтересовали меня благодаря тому, что социально-управленческий интерес к потенциалу морали и нравственного воспитания актуализировался, обнаружился, или появился — не знаю, какое более точное слово здесь употребить — когда слово «прикладная этика»

вышло за рамки традиционной классической метафоры, трактующей этику как практическую философию и стал формироваться интерес к более конструктивному воздействию этики на моральную практику.

Надо сразу сказать, и я стараюсь это постоянно подчеркивать, что зачатки социологического видения морали в моей позиции формировал Юрий Ваганович Согомонов. Он, на мой взгляд, один из тех этиков, которым исследовательская и педагогическая работа в духе исторического материализма не помешала разрабатывать социологическое видение морали. Прежде всего, это было связано с исследуемой им управленческой версией взаимосвязи этики и моральной практики. Я думаю, этики не только моего, но и последующих поколений помнят лекции Юрия Вагановича Согомонова на конференциях во Владимире и в Тюмени, на школах молодых этиков, где мы получали фактически первую прививку социологического видения современного общества и морали этого общества. На его лекциях мы слушали диагностические характеристики как глобального, так и нашего советского общества с точки зрения самых очевидных признаков Современности. Это Согомонов увязывал развитие морали с урбанизацией, с характеристиками потребительского общества, с динамикой семьи — от традиционной формы к современной. Ему не надо было «продавливать» в наше традиционное этическое сознание эти новации — они были настолько убедительны, настолько конструктивно объясняли практику нашего общества. Благодаря его лекциям и многие мои молодые коллеги сразу «стали фейербахианцами» — этиками, которые уже не могли пройти мимо социологических характеристик морали. Это еще не было обращением к эмпирическим методам в собственно этических исследованиях, но это были зачатки социологического видения, которое помогло нам стать чуточку более современными в понимании природы морали и ее актуальных проявлений.

Что это за социологическое видение Ю. В. Согомонова, которое я усваивал и присваивал и пытаюсь сейчас продолжать? Это и понимание социальной природы морали, но не то, к которому обращались и сторонники философского видения морали («социальная природа морали» — это была традиционная марксистская позиция), но это было именно социологическое понимание динамики морали, динамики ее в свете модернистского подхода, в сравнении морали традиционного общества и общества посттрадиционного, современного. Здесь формировалось видение морали в свете ее социокультурной динамики: очень важно было благодаря социологическому видению, которое развивал профессор Согомонов, понимать этапы конкретизации феномена морали на разных исторических этапах. При таком подходе уходила склонность многих философов к абсолютизации ее природы, ее норм и ценностей, при этом без впадения в другую крайность — в релятивизацию ценностей и норм морали. Настоящий социолог морали в противоречии с теми, кто абсолютизировал природу морали, совсем не обязательно релятивист.

Разумеется, мое обращение к социологии, если не прямое, то косвенное, было укреплено встречами с рядом ведущих социологов нашей страны. Это и Юрий Левада, и Борис Грушин, и Игорь Клямкин, и Игорь Кон, которого я знал и раньше, Геннадий Батыгин, с которым мы стали в ближайшем будущем тесно сотрудничать. Мне удалось побывать на одном из заседаний президиума Советской социологической ассоциации в г. Суздале Владимирской области.

Это был примерно 1989-й год. Попал я на это заседание, скорее, случайно. Оно проходило в Суздале, а в это время я гостил во Владимире у Юрия Вагановича Согомонова, и когда он получил приглашение поучаствовать в том заседании, то пригласил и меня. И вот я увидел весь цвет советской социологии, как на заседании Президиума, так и в приватной обстановке, что меня очень обрадовало, поскольку это была очень интересная атмосфера. Это было непередаваемое впечатление, которое повернуло меня и к личностям этих социологов, и, естественно, к тому знанию, которое за ними стояло. Кстати, на этом же заседании президиума я послушал и Галину Старовойтову, которая только что вернулась с Кавказа, где в эти годы начались известные события. А через несколько лет — в середине 90-х годов — когда я стал издавать журнал «Этика успеха», большинство из них стали участниками моих интервью для этого журнала. Это подняло и статус журнала, и расширило возможность контактов этического сообщества с социологическим. В будущем некоторые из этих социологов были участниками акций, которые проводили я и мои коллеги в сфере прикладной этики — когда в перестроечные годы мы организовывали важного общественного масштаба гуманитарные экспертизы, в них принимали участие некоторые персоны из этого круга.

Спасибо, Владимир, что вспомнил о выступлении Галины Старовойтовой в Суздале, где во второй половине марта 1988 года состоялся Пленум правления советской Социологической Ассоциации; это было очень важное, памятное событие, и я немного дополню твой рассказ. Вечером 23 марта, вне программы, после ужина желающие собрались в одной из комнат гостиницы, чтобы послушать Галину Старовойтову и армянского социолога Людмилу Арутюнян о событиях в Сумгаите. Было не менее полусотни человек, стульев не хватало, и опаздывавшие располагались на полу. Более двух часов люди сидели молча, потом задавали много вопросов, но по-моему, никто не выступал. Говорить было нечего. Надо было думать. Старовойтова рассказывала об истории Карабаха, о социально-демографических и культурных особенностях этого района. Все — просто. Но так мог говорить лишь человек, не только досконально знавший предмет анализа, но остро чувствующий боль людей, живших там, и пытавшийся искать выход из сложившейся трагической ситуации. Галина выглядела плохо, усталой, выступала сидя, после перелома ноги ходила опираясь на палку. Но по-моему, это, ее не волновало. Она обнаруживала нечто новое в мире и открывало не известное в себе.

Не мог бы ты рассказать о твоём проекте, в котором участвовал Геннадий Батыгин, и о нём самом. После смерти Батыгина прошло более десяти лет, но его жизнь и сделанное им продолжают интересовать многих...

Геннадий Семенович Батыгин сотрудничал с нашим направлением прикладной этики начиная с времен «Самотлорского практикума-2», то есть с 1987-го года. «Самотлорский практикум-2» — это была такая амбициозная попытка группы этиков, которую инициировала моя лаборатория прикладной этики Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР. Мы стремились включить отечественное этическое сообщество, весьма настороженно относящееся к самой идее прикладной этики, как сказали бы сейчас, в активный дискурс об актуальных проблемах морали общества времен Перестройки. И, естественно, мы были заинтересованы включить в этот дискурс

не только чистых этиков, но и известных авторов из смежных профессий — философов, культурологов, психологов, и, конечно, социологов. Мне представлялось, что в числе экспертов, приглашенных отвечать на разработанную нами анкету, не мог не оказаться Геннадий Семенович.

Я сначала знал его заочно как автора докторской монографии, правда, не всей монографии, а послесловия, которое он написал к этой книге. Во время просмотра в книжном магазине монография меня мало заинтересовала — она была чисто социологическая, а меня эта тематика не заводила, а вот послесловие было написано Социологом с большой буквы. Это уже была и не голимая эмпирия, и даже не методология. В этом послесловии я увидел социального философа, публицистически пишущего интеллектуала, который мог критически отнестись к социальной ситуации времен Перестройки и к месту социолога в этой ситуации. Кстати, это был интеллигентский текст, вполне достойный любого популярного журнала времен перестройки.

Так имя Батыгина попало и запало в мою память. Я пригласил его поучаствовать в нашем экспертном опросе, основная задача которого была — дать коллективную диагностику моральной ситуации тех времен. И его текст украсил нашу экспертизу. Увидев, что это прекрасный автор, интересный и полезный разрабатываемой нами концепции прикладной этики и ее практическому применению в виде многообразных экспертиз того времени, например, экспертизы ситуации, которую мы называли «Этика Севера», потом смежный с этой экспертизой проект: этно-экологическая экспертиза ситуации, которая сложилась на Тюменском Севере в связи с массовым промышленным освоением этой территории и последовавшей за этим освоением сложной ситуации в судьбе малочисленных народов Тюменского Севера. Это экспертизу мы готовили экспертизу в режиме многодневной деловой игры. Участникам экспертизы предстояло прожить во время Самогторского практикума несколько моделей решения трудной ситуации на Тюменском Севере. И предшествовавший самой деловой игре экспертный опрос снова не мог быть осуществлен без участия Геннадия Семеновича.

Он был членом редколлегии и постоянным автором первого из наших журналов — «Этика успеха». Начиная с 1995-го года и до самых последних своих дней он был на основах совместительства ведущим научным сотрудником НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета и постоянным автором выпусков издаваемого НИИ прикладной этики журнала «Ведомости прикладной этики».

Геннадий Семенович был не просто нашим деловым партнером; не берусь говорить, что мы с ним дружили, но как мне казалось, у нас сложились теплые личные отношения. Мы часто встречались в Москве. Я был частым гостем у него дома. И сейчас помню глубоко поцарапанные кошкой руки его сына Гены — Геннадия Геннадьевича Батыгина — залепленные медицинским клеем.

Мне кажется, что участие в этико-прикладных проектах социолога Батыгина сделало наше стремление развивать прикладную этику более привязанным к социально-политическим реалиям, «заземлило» наши проекты на отечественные обстоятельства.

Я помню Геннадия Семеновича и как редактора нескольких наших монографий, и как автора критических рецензий на эти монографии в разных журналах. Он рецензировал и наши с Юрием Вагановичем Согомоновым книги:

по этике российского бизнеса, про этос среднего класса. До сих пор в архиве НИИ ПЭ лежит машинописная рукопись одной из книг с его правкой, очень существенной правкой, правкой конструктивной, которая только улучшила наш текст.

И еще одна точка взаимодействия Г. С. Батыгина с нашими проектами. В 1993 – 1997 годах он был научным руководителем (вместе со мной) кандидатской диссертации по социологии сотрудницы НИИ ПЭ ТюмГНГУ Марины Богдановой. Это была вполне серьезная работа, посвященная исследованию этоса становящегося в современной России предпринимательства. Г. С. Батыгин уже ушел из жизни, но и в докторской диссертации М. В. Богданова социологическую методологию исследования этоса университета разрабатывала на основе работ Г. С. Батыгина.

Наверное, стоит сказать, как Геннадий Семенович повлиял и на становление журнала «Ведомости прикладной этики». Сам он создал, как мы все знаем, «Социологический журнал», и прямо или косвенно его опыт сказался на создании нашего журнала, где он был автором с 14 номера, на концепции журнала, на наши представления о роли журнала в становлении и развитии научной школы.

Может быть, я завершу этот краткий сюжет о Геннадии Семеновиче тем, как мы обменивались ироничными комплиментами: я говорил, что он – главный этик среди социологов, а он – что я главный социолог среди этиков.

Я хотел бы поговорить подробнее о твоих прикладных исследованиях, но сначала – о теоретических работах. После защиты докторской диссертации прошло без малого 40 лет. Что главное удалось сделать в области теории этики? Какие свои теоретико-методологические работы ты назвал бы в первую очередь?

За десятилетия под твоим руководством, скорее всего, подготовлены сотни дипломных проектов, защищены десятки кандидатских работ, несколько докторских. Пожалуйста, поделись статистикой... и еще, наверное, в определенном смысле уже можно говорить о «тюменской школе» исследователей этики, в чем ты видишь ее специфику?

После защиты докторской диссертации прошло без малого сорок лет. И когда они могли пройти – эти сорок лет?

Что же удалось сделать в области теории этики? Прежде всего, зародить, создать и развить отечественную школу прикладной этики, которая с определенного этапа стала называться «инновационная парадигма прикладной этики». Это потребовалось, чтобы различить то оригинальное направление, которое мы инициировали в начале восьмидесятых годов, и те этико-прикладные концепции, которые затем появились у нас в стране, во многом под влиянием западной этической мысли. В этом смысле я стараюсь подчеркивать, что инновационная парадигма – наше отечественное изобретение. На этапе своего возникновения и становления она фактически была независима от западных исследований в сфере прикладной этики, развивалась параллельно им.

Итак, во-первых, в области теории этики – это создание направления. Во-вторых, у нас получилось почти непрерывающееся за эти сорок лет оформление инновационной парадигмы в жизни нами же издаваемых журналов. Сначала это был журнал «Этика успеха», одиннадцать номеров этого журнала вышли в Москве-Тюмени. Еще один журнал был создан в связи с работой в сфере про-

фессиональной этики журналиста — мы назвали его «Тетради гуманитарной экспертизы», выпустив шесть номеров. Наконец, с 1995 года и по сей день выходит в Тюменском нефтегазовом университете журнал «Ведомости прикладной этики». Сейчас мы готовим к печати сорок шестой выпуск. Как нас наставлял Геннадий Семенович Батыгин, журнал — это способ существования школы.

В-третьих, мы освоили не менее важный способ существования отечественного направления прикладной этики — выпуск ключевых монографий. Уже в их названиях можно увидеть тематизм наших исследований.

Среди первых после защиты докторской я бы назвал монографию, обобщающую результаты первого десятилетия жизни нашей парадигмы — «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью Томский университет, 1986 год. (В соавторстве с Ю. В. Согомоновым).

Следующий этап жизни инновационной парадигмы может быть концентрированно представлен результатами, опубликованными в монографии «Этика политического успеха». Москва-Тюмень, 1997 (В соавторстве с Ю. В. Согомоновым). Это была первая в отечественной этической литературе работа по политической этике. Сфера для нашего этического знания — одна из неизведанных, и, конечно, обращение к этой теме было связано с общественными переменами в постсоветское время.

В этой монографии закрепились ставшая в дальнейшем традиционной структура наших последующих работ. Сначала — теоретико-методологическое описание темы, в данном случае, феномена политической этики. А затем — представление проектно-ориентированных исследований, реализованные в духе прикладной этики проекты, связанные с переменами в жизни партии, в жизни отечественного парламента, с политической этикой в этнонациональных конфликтах и особенный раздел — этика политической борьбы. Вообще, начало и середина девяностых годов, может быть, неожиданно для нас, стали временем появления целого ряда монографий. Одну я назвал, затем была первая в отечественной современной этической литературе монография по этике бизнеса: «Честная игра. Нравственная философия и этика предпринимательства». Она вышла в издательстве Томского университета, как и несколько последующих книг. Например, «Этика и этос воспитания», кстати, тоже первая отечественная публикация по этике в сфере воспитания. Стоит заметить, экспансия нашего направления была направлена либо в ранее неосвоенные сферы этики, либо освоенные, но в парадигмальном ключе, который нас не устраивал. Это относится, например, к такой «тюменской» теме, как «Этика Севера». Наши этико-социологические исследования, экспертизы, деловые игры — опыты приложения методологии этико-прикладного исследования к ситуации на Севере Тюменской области — ситуации «нового освоения». Например, ситуация этно-экологическая, связанная с судьбой малочисленных народов Севера под влиянием создания Тюменского топливно-энергетического комплекса.

Это была и экспансия в тематику, в которой мы вышли из регионального масштаба на масштаб общероссийский — серия гуманитарных экспертиз, представленных как в теоретических публикациях, так и в реальной практике этических деловых игр: трансформация партийной структуры КПСС, освоение непривычной для советской действительности ситуации политических выборов. Нельзя забыть еще такой проект, как экспертиза переходной ситуации от

советской власти к пост-советской — то, что связано было с попыткой нового правительства России подвергнуть осмыслению и экспертизе первоначальные реформы по строительству в стране гражданского общества (здесь «гражданское общество» — не «третий сектор», некоммерческие организации, а новый тип общества — рыночного, демократического и т. д.). И мы приложили к этим заботам скромные возможности своего направления.

Следующий всплеск монографических работ связан уже с началом нового тысячелетия.

Мы выполнили серию проектов, большая часть из них была связана с Тюменским государственным нефтегазовым университетом, с ситуацией, которая позволяла конструктивно влиять на трансформацию бывшего Индустриального института в нефтегазовый университет

Результаты были представлены в коллективных монографиях: «Становление духа университета» и «Самоопределение университета» — и здесь мы стремились я добиться сплетения теоретико-методологических позиций с реальной практикой общественной экспертизы ситуации университета.

Одним из проектов 2000-х годов было теоретико-методологическое и экспертно-консультативное исследование массового появления некоммерческих организаций. Прикладное исследование — на тюменском опыте. Возникла коллективная монография «Будь лицом»: Рабочие тетради Гражданского форума Тюменской области».

Если не стесняться характеристики своих работ как фундаментальных, то я бы выделил в качестве таковых две монографии, которые мы написали совместно с Юрием Вагановичем Согомоновым: «Этика профессии» и «Введение в прикладную этику». Это было и обобщение предшествующих исследований и методологический задел на сегодняшние исследования в рамках инновационной парадигмы.

Особо можно выделить, заботящую нас в последние годы задачу создания учебного пособия по прикладной этике. Сегодня эта задача обернулась выходом трех частей моего учебного пособия «Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров». Сейчас идет работа над четвертым томом, и конца я пока не вижу.

К сожалению, за те десятилетия, о которых ты спрашиваешь, под моим руководством не подготовлены не только «сотни дипломных проектов и десятки кандидатских работ». Фактически ни одного дипломного проекта не было подготовлено — НИИ прикладной этики не вел учебной работы. В те времена, когда я преподавал философию и этику в Тюменском индустриальном институте, дипломы по этике не защищались, это была общеобразовательная специальность, и в лучшем случае ее изучение завершалось зачетом. А в рамках НИИ прикладной этики я не смог добиться, чтобы университет выделил мне учебные курсы, и моя деятельность была ограничена в рамках НИИ прикладной этики исследованиями и разработками.

В целом мне удалось поработать над кандидатскими диссертациями, и полтора десятка работ были защищены как в ЛГУ, так и в нашем собственном диссертационном совете. Их тематика была связана с прикладной этикой. Кроме этих кандидатских работ была защищена диссертация об этосе университета. Ее написала и успешно защитила Марина Владимировна Богданова.

Полагаю, что независимо от этой скромной статистической цифры, вполне можно говорить о Тюменской школе прикладной этики. Хотя слово «тюменская» здесь не должно истолковываться узко географически. Действительно, и административная единица в виде НИИ прикладной этики, и издательские проекты, например, журнал «Ведомости прикладной этики», и большинство публикаций привязаны к Тюмени. Да и в большинстве своем объекты эмпирических исследований тоже были тюменские. Но, тем не менее, нам удалось вовлечь в сферу своих исследований и разработок, не постесняюсь сказать этого, лучших исследователей страны, работавших и в Москве, и в Ленинграде, и в Сибири... География авторов включает и Украину, и Белоруссию. Их участие укрепило потенциал наших проектов.

В чем специфика Тюменской школы? Первый признак я уже назвал: это ее географическое многообразие. Да, мы Тюмень можем считать себя ядром этого направления прикладной этики, но оно впитало в себя хороший исследовательский потенциал многих регионов страны. Вторая черта особенности Тюменской школы заключается в том, что во многих наших проектах фактически на равных творческих правах участвовали и теоретики, и практики.

Третья особенность — это методология и методика проектов школы: например, метод этических деловых игр, работающих как в экспертной, так и в проектной деятельности.

Наверное не грех вспомнить, что Тюменская школа вот уже на протяжении двадцати лет выпускает свой журнал, который очевидно является определенным центром по собиранию сил нашего направления.

Наверное не грех вспомнить о том, что специфика Тюменской школы в конструктивных взаимоотношениях с властью, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Нам весьма часто удавалось привлечь работников властных структур к своим исследованиям. Я назову, например, такие проекты, как «Городские профессионалы» или «Самотлорский практикум». А некоторые этические деловые игры мы проводили не только в Тюменской области, но и в столице, при поддержке властных структур Москвы и Российской Федерации. Сошлюсь на гуманитарные экспертизы, проведенные нами в перестроечные годы в Москве, и на экспертизу идеи и технологии либерализации цен, которую мы провели по заказу только что организованного правительства Российской Федерации в декабре 1991 года.

В перечне специфических черт Тюменской школы уместно упомянуть серию мастер-классов, проведенных в недавние годы на базе кафедр этики МГУ, ЛГУ, Киевского национального университета, в Уральском федеральном университете на базе кафедры философии Гуманитарного института. Это были акции, которые работали не просто на просвещение участников мастер-классов, но и на развитие теории и технологии этико-прикладных исследований. Я думаю, что они были взаимно полезны как аудитории, так и тем, кто с ней работал.

Володя, я понимаю, что ты мог бы и хотел бы большего, но рассказанное тобой — очень значимо... однако, количество вопросов к тебе не уменьшилось, даже появился такой: «Поддерживаешь ли ты контакты с зарубежными специалистами? Работают ли их выводы, предложения в России? И, наоборот, какие из твоих теоретических и прикладных результатов привлекают их внимание?»

Во времена советские наиболее тесными были контакты с коллегами из Польши и Болгарии. С болгарскими коллегами они были очень интенсивными и долговременными. И это объяснимо просто – в Болгарии складывалось сильное направление этико-прикладных исследований, ориентированных на управление идеологической работой и воспитательной деятельностью. Например, совместно с известным болгарским этиком Василем Момовым мы с Ю. В. Согомоновым выпустили общую монографию «Прикладная этика». В Тюмени еще в 1982 году прошла советско-болгарская конференция по прикладной этике, с большим участием теоретиков и практиков с обеих сторон. Опыт болгарских коллег был нам очень интересен, потому что это было сотрудничество исследователей и практиков – в сфере идеологической работы и воспитательной деятельности.

С польскими коллегами я общался, прежде всего, в рамках контактов кафедры этики Московского университета и кафедры этики Варшавского университета. До сих пор рад, что в известном польском журнале «Этика» напечатал свою статью про этическую праксиологию – мою концепцию, которая была, я бы сказал, предпосылкой моей парадигмы прикладной этики.

В постсоветское время мы сотрудничали с американским коллегой профессором Вашингтонского университета Стивом Керром. Мы даже включили его в члены редколлегии нашего журнала «Этика успеха» и обменивались опытом культивирования этики успеха в Штатах и в России: он приезжал к нам, а я приезжал вместе со своими коллегами в Америку. Получил возможность посетить несколько центров этико-прикладных исследований в Соединенных Штатах. И даже выступил на большой всеамериканской конференции в Новом Орлеане.

Обращаясь к более близким к сегодняшнему дню годам, должен отметить складывающиеся отношения с коллегами-этиками из университета в Вильнюсе. Я участвовал в изданной в Литве коллективной монографии по экологической этике – продвигал приложение инновационной парадигмы к давно известным этико-экологическим исследованиям. Мы обсудили эффективность развиваемых в Тюмени и в Вильнюсе этико-прикладных исследований. Подходы имеют и точки согласия и точки разногласия. Обменялись дискуссионными статьями. Литовские коллеги, естественно, печатались в нашем журнале «Ведомости прикладной этики». Мы сотрудничали на конференциях как в Литве, так и в России.

Членами редколлегии журнала «Ведомости прикладной этики» являются коллеги из центральных университетов Киева и Минска. Они же и постоянные авторы нашего журнала. Коллеги из Киева опубликовали меня в своем журнале «Практическая философия». Ценю полученную возможность проведения мастер-класса об опыте проектирования профессионально-этического кодекса университета в процессе мастер-класса на кафедре этики университета имени Т. Шевченко.

Я полагаю, что это плодотворное сотрудничество для той и другой стороны..

Что привлекает из наших результатов зарубежных коллег? Об этом, конечно, лучше бы спросить их, но, во всяком случае, судя по участию в нашем журнале, идет позитивное освоение нашей инновационной парадигмы прикладной этики, нашего опыта исследований, приложимых, прежде всего, к университетской этике, к инженерной этике. Думаю, что у нас есть хорошие перспективы для сотрудничества.

Распространяются ли твои исследования в сфере прикладной этики на такие актуальные для России темы, как межнациональные, гендерные, межконфессиональные отношения, в том числе — отношения между верующими и неверующими? С кем из тюменских социологов ты в наибольшей степени сотрудничаешь?

За несколько десятков лет разработки и продвижения инновационной парадигмы прикладной этики мы занимались разными темами, к которым пытались применить наши представления. Здесь были и тема этноэкологическая, когда мы проводили экспертизу освоения гуманитарных последствий освоения Тюменского Севера в связи с развитием топливно-энергетического комплекса. Было и приложение к сфере политики. Политическая этика была предметом наших исследований теоретических и эмпирических. Прежде всего, в эпоху Перестройки, когда мы пытались и в рамках Тюменской области, и в Москве моделировать новые для тех времен ситуации политического выбора, связанные с демократизацией жизни страны и партии. Межнациональными, гендерными отношениями мы не занимались, как и отношениями межконфессиональными.

С тюменскими социологами я сотрудничаю весьма редко. Профессиональные взаимоотношения скорее эпизодические в силу разного предмета исследования. Но, как мне кажется, сложились хорошие личные отношения с К. Г. Барбаковой, Ю. М. Беспаловой, Л. В. Лебедевой и другими коллегами. В прежние годы сотрудничество было более основательным — мы хорошо сотрудничали с Юрием Михайловичем Федоровым, известным не только в Тюмени социологом. Например в проектах «Этика Севера», «Самотлорский практикум».

Ну и наверное, может быть, я должен начинать ответ на этот ваш вопрос с того, что в составе НИИ прикладной этики с момента его образования работает социолог Богданова Марина Владимировна, которая за время этой работы защитила и кандидатскую, и докторскую диссертацию. Разумеется, это были диссертации, написанные на материалах социологических исследований, тесно связанных с этической проблематикой. Основная тема ее исследований была «этнос университета». Это исследования последних лет, а исследования первых лет были связаны с проблематикой этоса предпринимательства, точнее. В этой проблематике, как и в проектах по университетской этике, Марина Владимировна сотрудничала с Геннадием Семеновичем Батыгиным.

В целом в опыте нашего направления прикладной этики сотрудничество с социологами скорее было за пределами Тюмени. Если посмотреть, например, наш журнал, который мы издавали до Ведомостей прикладной этики, — журнал «Этика успеха», то его авторами, участниками наших проектов были и Левада, и Грушин, и Дубин, Валентина Чеснокова (К. Касьянова), и Батыгин — постоянный наш автор и в журнале «Этика успеха», а потом и журнале «Ведомости прикладной этики».. Нашим автором долголетним является Александр Юрьевич Согомонов, социолог-культуролог, его эвристические тексты продвигают наши проекты.